

Таркан Наталья Евгеньевна

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

(г. Могилев, Беларусь)

tarkanne 9@gmail.com

**АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ И БОРИС ПАСТЕРНАК:
ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Статья посвящена сопоставительному анализу традиций Б. Пастернака в контексте поэзии А. Твардовского. Анализируется общее и отличное в индивидуально-авторском стиле Б. Пастернака и А. Твардовского.

Ключевые слова: поэзия, традиции, Пастернак, Твардовский, поэтика, стиль

This article is devoted to the comparative analyses of traditions in the context of the B. Pasternak's poetry A. Tvardovsky. It elucidates the common and the distinctive traits in the individual author's style of B. Pasternak and of A. Tvardovsky.

Keywords: poetry, tradition, Pasternak, Tvardovski, poetics, style

Самые, пожалуй, несовместимые и разные поэты в советской литературе – это Александр Твардовский, автор «Василия Теркина», и Борис Пастернак, автор «Доктора Живаго». У Твардовского было особо сдержанное отношение к Б. Пастернаку после его «дела» 1958 г. Но хотелось бы подчеркнуть, что Твардовский был одним из немногих, кто выступал против исключения поэта из Союза писателей.

А. Твардовский с юношеских лет включал Б. Пастернака в число наиболее талантливых мастеров советской поэзии. Поэтика Б. Пастернака была ему чужда. Но он старался подойти к ней объективно. В печати он очень хвалил переводы Б. Пастернаком Шекспира, но воздерживался от высказываний о творчестве самого Б. Пастернака. До конца жизни А. Твардовский сохранял чувство неприятия многих важных элементов творчества Б. Пастернака. Основными причинами были сложность текстов Б. Пастернака и его ориентация на европейскую культуру. А. Твардовский писал, что у Б. Пастернака «подчас небольшое лирическое стихотворение требует «ключа» для расшифровки заложенных в нем «многоступенчатых» ассоциативных связей, намеков, иносказаний и умолчаний» [1, т. 5, с. 161].

Б. Пастернак вводил в свои стихи слова и предложения, которых сторонились поэты предшествующих поколений, особенно символисты. Поэт стремился к точности словесного употребления, уходил от привычных словосочетаний, выражающих привычные представления. Б. Пастернак нарушил привычные для нашего слуха нормы. Нужны навыки для постижения этого синтаксиса. Слова могут быть обычными, но их расстановка в строфе крайне необычна и потому затруднена. В статье «Поэзия Михаила Исаковского» (1949–1969) та-

лант Б. Пастернака был назван А. Твардовским как «яркий и своеобразный», но отмечалось, что поэт видит мир с точки зрения «интеллигентных горожан», иначе, чем крестьянин, работающий на земле [1, т. 5, с. 222]. Тем не менее, А. Твардовский констатировал огромное влияние Б. Пастернака на современную поэзию и считал необходимым популяризировать его творчество.

В тридцатые годы А. Твардовский писал о значимости и для себя поэтической традиции Б. Пастернака, отмечая при этом не всегда удачные собственные попытки уйти от подражательности, например, в книге стихов 1933 г. В шестидесятые годы А. Твардовский, читая присылаемые ему стихи других, молодых поэтов, видел в этих текстах связи с поэзией Б. Пастернака, отмечал, что длительное отсутствие переизданий текстов Пастернака вредит русской литературе. Есть основания полагать, что на Пастернака могут быть ориентированы некоторые послевоенные тексты А. Твардовского. Примером служит стихотворение «Свет – всему свету!», входящее в цикл стихов о Сибири (40–50-е гг.) и связанное с циклом Б. Пастернака «Петербург».

Б. Пастернак пишет о творческом порыве сильной личности, Петра, строящего историю, о строительстве нового города, о вхождении России в цивилизованный европейский мир. А. Твардовский создает идеологический текст о сплочении человеческой массы в коллективном труде, о работе женщин, о сооружении линии электропередач на Урале. В текстах речь идет о деятельности человека-творца, в процессе которой осваивается, пересоздается природный мир – балтийское или уральское естественное пространство. А. Твардовский наследует характерный для поэтики Б. Пастернака прием: частное бытовое событие, изображенное в тексте, воспринимается как символическое, судьбоносное. По такому принципу построены многие тексты Б. Пастернака, например, «Урал впервые», «На пароходе», «Весенний дождь», «Ожившая фреска» и др. Тексты сохранили на себе следы влияния на поэтов историко-софских концепций судьбы России, а они, в итоге, оказали сильное влияние на творчество Б. Пастернака. В цикле «Петербург» он рассматривает деятельность Петра как попытку установить в России гармоничное единство западного и восточного начал.

Освоение юго-восточных русских территорий в текстах А. Твардовского конца 40-х – начала 50-х годов, как и в русской литературе середины века в целом, в свою очередь, связывается с воспоминаниями о Петре (очерк «На Ангаре», поэма «За далью – даль»). В поэме «За далью – даль», говоря о соединении Запада и Востока, о строительстве Волго-Донского канала на юге России и сети водохранилищ, соединивших в конечном счете Балтийское море с Черным, А. Твардовский также упоминает Петра [1, т. 3, с. 225]. Тексты Б. Пастернака и А. Твардовского объединяет общая идея попытки осуществления синтеза в России между наукой, западным началом, цивилизацией и началом естественным, стихийным, природным, хаотическим. Только у Б. Пастернака в тексте это соединение происходит в топосе, близком Европе, а у А. Твардовского – в топосе на границе с восточным пространством.

У Б. Пастернака строящийся город на Неве Петр знакомит «С империей – царство, край с краем», у А. Твардовского в Предуралье, где идет строительство, совмещается кочевое начало и начало цивилизации: *Музыка, гамон, / Урчанье моторов. / Табор – не табор, / Город – не город* [1, т. 1, с. 36]. Оба поэта в центр текста ставят образы строительства, деятеля, его ведущего и природного пространства, где разворачивается строительство. У Б. Пастернака местом событий названы «таежные топи», у А. Твардовского – лес. В текстах описаны приметы стройки, бытовые детали. Оба текста насыщены технической лексикой, обозначениями инструментов, механизмов и иных приспособлений для строительства. У Б. Пастернака – рубанки, снасти, у А. Твардовского – моторы, повозки, радиорупор, сигнальные флаги и др.

У обоих поэтов дан редкий в русской поэзии образ: прямая линия улицы или просеки, траектория пули. Например, у Б. Пастернака: *Как в туло сажают вторую пулю / Или бьют на пари по свечке, / Так этот раскат берегов и улиц / Петром разряжен без осечки* [2, т. 1, с. 44]. У А. Твардовского: *Через отлогий / Увал каменистый / Просека вдаль / Уносила, как выстрел* [1, т. 1, с. 36]. Но у Б. Пастернака в качестве деятеля выступает сильная личность, Петр у А. Твардовского – подробно описанный «всяческий люд», весь народ.

Оба поэта используют тонический стих – дольник. Однако А. Твардовский делает форму стихотворения менее разнообразной. Он использует только четыреххитный дольник, и разбивает стих на две двуххитных строки. У Б. Пастернака четыреххитный, треххитный и двуххитный дольник. Ритм одного из фрагментов напоминает ритм стихотворения А. Твардовского: *Каналы на прибыли, / Нева прибывает, / Он северным грифелем / Наносит трамваи. / Попробуйте, лягте-ка / Под тучею серой, / Здесь скачут на практике / Поверх барьеров* [2, т. 1, с. 46]. Для текста Твардовского характерны женские клаузулы, для текста Пастернака – женские и дактилические.

Лексический состав текста Б. Пастернака – *мамки, дядьки, бары*. У А. Твардовского – разговорные: *гамон, мужики, девчонки, бабий люд, дай, подойдем, захолустный*, частица *ну*. Тексты объединяет выраженное сходство на уровне синтаксиса. Характерная черта текста А. Твардовского – обилие перечислений, чаще всего однородных подлежащих или назывных предложений. В обоих случаях перечисляются обычно противопоставляемые, но объединенные, уравненные в данном контексте элементы. Например, у Б. Пастернака: *Болото, земля ли, иль море, иль лужа, – / Мне здесь сновиденье явилось, и сче-ты / Сведу с ним сейчас же и тут же* [2, т. 1, с. 44].

В тексте А. Твардовского присутствует скрытая полемика с текстом Б. Пастернака. Б. Пастернак констатирует невозможность установления гармонии между европейским рациональным началом и русским стихийным. Петру, как показывает в цикле «Петербург» Б. Пастернак, не удалось сделать Россию европейской страной, не удалось гармонично соединить в ней Запад и Восток, цивилизацию и природу. Стихийное, природное начало берет вверх в творце

и окружающем его мире. Напр.: *Волн наводнения не удержишь сваями. / Речь их, как кисти слепых повитух. / Это ведь бредишь ты, неменяемый, / Быстро бормочешь вслух* [2, т. 1, с. 46]. У А. Твардовского идея стихотворения оказывается подчиненной государственной идеологии с ее культом коллективизма и поворотом в сторону Востока: синтез цивилизации и природы осуществлен силой коллективного труда и происходит это на границе с азиатской территорией России. Содержание стихотворения А. Твардовского сочетается с историко-философскими проблемами самоопределения России.

В середине шестидесятых годов, на новом этапе своего творчества А. Твардовский вернется к полемике с Б. Пастернаком и напишет стихотворение, где покажет противостояние разума, цивилизации и стихии. В стихотворении 1965 г. об Иркутской ГЭС конкретная ситуация будет выведена на уровень обобщений: *Как глубоко ни вбиты сваи, / Как ни силен в воде бетон, / Вода бессонная, живая / Не успокоится на том. / Века пройдут – не примирится, / – Ей не по нраву взаперти. / Чуть отвернись – как исхитрится / И прососет себе пути. / Под греблей, сталью проплетенной, / Прорвется – прахом все труды / – И без огня и без воды / Оставит город миллионный* [1, т. 3, с. 161].

Однако, несмотря на неприятие А. Твардовским поэтики Б. Пастернака, некоторые черты их творчества перемежаются. Так, у А. Твардовского наблюдается тяготение к высокому слогу, который подчинен прославлению героизма воинов. Примером может служить словосочетание «у Сталинграда вещей битвы жар» из стихотворения «Возмездие»: *У Сталинграда вещей битвы жар / Простерся в вечности заревом кровавым, / И, чужа гибель, враг от нас бежал, / Гонимый вспять оружием нашим правым* [1, т. 2, с. 133]. Разница лишь в том, что в стихах Б. Пастернака о войне поэт «заговорил высоким слогом», возвышенно-отвлеченным, в частности, «архаическими абстракциями, широко вошедшими тогда в литературный обиход», но не для прославления героизма воинов, а для раскрытия религиозного смысла поступков, совершаемых бойцами. Так, в стихотворении «Старый парк» слово *свет* в сочетании со словом *величие* дает читателю представление об обетованном царстве вечности, уготованном пожертвовавшему собой саперу: *Жить и сгорать у всех в обычае, / Но жизнь тогда лишь обессмертишь, / Когда ей к свету и величию / Своею жертвой путь прочертишь* [2, т. 1, с. 369–370].

Размышления А. Твардовского на тему поэта и поэзии берут свои истоки из размышлений Б. Пастернака, который в стихотворении «Определение поэзии» (1941 г.) не находит ничего более емкого и точного для передачи сущности искусства, чем перечисление явлений окружающего мира: *Это – круто налившийся свист, / Это – щелканье сдавленных льдинок, / Это – ночь, ледяная листва, / Это – двух соловьев поединок* [2, т. 1, с. 88]. У А. Твардовского позднего периода творчества над традиционной темой о поэте и поэзии раздумывает лирический герой во многих стихотворениях, например, в стихотворении «Жить бы мне соловьем-одиночкой...»: *Жить бы мне век соловьем-одиночкой / В этом краю травянистых дорог, / Звонко выцелкивать строчку за*

строчкой, / Циклы стихов заготавливать впрок [1, т. 1, с. 129]. Образ соловья в произведениях поэтов не случаен, каждый из них сам выражает своё отношение к поэзии при помощи этого образа. Б. Пастернак пребывает в контакте, взаимодействии и даже противодействии с другими поэтами. А. Твардовский отказывается от такой тенденции, действует в одиночку.

Таким образом, можно утверждать, что традиции Б. Пастернака были наиболее близки А. Твардовскому в самом раннем творчестве, когда он учился у своего предшественника мастерству и одновременно отрицал его идеи. В творчестве последних лет А. Твардовскому стали близки идеи Б. Пастернака.

Литература

1. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Т. Твардовский. – М. : Художественная литература, 1976–1980.
2. Пастернак, Б. Л. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Б. Л. Пастернак. – Л. : Советский писатель, 1990. – Т. 1. – 504 с. ; Т. 2. – 368 с.